

К РАСШИФРОВКЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ АРАБСКИХ НАДПИСЕЙ АРМЕНИИ (XV—XVI вв.)

АЛЕКСАНДР ХАЧАТРЯН

Сфера распространения арабских надписей значительно шире территории арабских стран: они встречаются всюду, где когда-либо арабский язык употреблялся в качестве государственного языка или языка религии (ислам). Армянский народ не принял ислам, однако в силу политических, историко-культурных обстоятельств и географического положения Армении на ее территории также встречаются арабские надписи как память о длительных периодах иноземного господства.

Самые древние арабские надписи на территории Советской Армении датируются второй половиной VIII в. (Звартноц). В последующий период постепенно увеличивается число надписей на арабском языке. Они содержат чрезвычайно интересные факты для изучения социально-политической истории Армении и представляют ценность как для армянской, так и арабо-мусульманской культуры.

Арабские надписи Армении давно привлекали внимание специалистов. Однако, несмотря на давний интерес к надписям, издание и исследование их далеки от завершения, остаются еще не зафиксированные надписи. В последние годы собрано и подготовлено к печати большое количество арабских надписей, сохранившихся на территории Армении и включенных в «Корпус арабских надписей Армении».

Для сбора арабских надписей на территории Арм.ССР автор статьи в 1976—1979 гг. совершил ряд поездок по Армении, собрал, скопировал (прорисовал) и сфотографировал арабские надписи из разных районов республики. Часть собранного эпиграфического материала еще в ходе подготовки нами к печати была опубликована эпиграфистом М. Нейматовой¹. Однако в опубликованных ею надписях, в частности с территории Арм.ССР, имеются грубые ошибки в дешифровке, допущены необъяснимые лакуны и искажения, а построенные на этих прочтениях исторические выводы являются необоснованными, зачастую искажают исторические реалии, поэтому представляется необходимым обратиться к некоторым выводам и прочтению надписей М. Нейматовой. Сотрудница Института истории АН Азерб.ССР, доктор исторических наук М. Нейматова в 1954—1969 гг. собрала, зарегистрировала и в дальнейшем издала большое количество арабских, персидских и турецких надписей, сохранившихся на территории Азербайджанской ССР. Опубликованный ею эпиграфический материал, разумеется, представляет ценность для изучения истории Азербайджана, его духовной, материальной культуры и социально-экономических отношений в XIV—XIX вв. Среди ее публикаций особенно выделяется книга под заглавием «Мемориальные памятники Азербайджана» (XII—XIX вв.), заслуживаю-

¹ М. С. Нейматова, Мемориальные памятники Азербайджана (XII—XIX вв.), Баку, 1981 (далее: М. С. Нейматова. Мемориальные памятники).

щая специального рассмотрения². В ней опубликован эпиграфический материал, собранный М. Нейматовой во время совместной эпиграфической экспедиции сотрудников Института археологии АН Арм.ССР и Института истории АН Азерб.ССР в 1961 г. не только с территории Азерб.ССР, но и Армянской ССР: из села Урут (Уруд, Вороти) Сисианского района, села Норадуз (Норатук, Норатус) р-на Камо, всего 19 надписей из Арм.ССР (№№ 33, 53—70), три надписи из Грузинской ССР (№№ 34, 35, 142) и две — из Дагестанской АССР (№№ 50—51). Остальные надписи собраны из различных районов Азерб.ССР. Таким образом, из опубликованных 143 единиц 24 мемориальных памятника с надписями собраны из Арм.ССР, Груз.ССР и Дагестанской АССР. Хотя автор не дает никаких пояснений во «Введении», все же можно полагать, что в этой книге представлены памятники определенного типа — мемориальные, надписи которых в подавляющем большинстве публикуются впервые и которые автором были обнаружены совершенно случайно, либо по указанию других лиц. Однако, в действительности, опубликованы не все известные надписи. Многие надписи, собранные и опубликованные еще в 60-х гг. прошлого столетия известным эпиграфистом Н. В. Ханыковым, затем В. Сысоевым, И. Азимбековым и др. с территории Нахичеванской области, не включены в вышеупомянутую книгу, из них, в частности, отметим арабские надгробные надписи из сел Насмус (Нус-нус), Бабалы, Нижние Азы, Дер, Хараба Гилан³.

М. Нейматова не проявляет научной добросовестности в отношении прежних издателей и исследователей арабских надписей отдельных районов. Например, опубликованы всего лишь три памятника (надписи) с территории Нахичеванской АССР (№№ 24, 72, 140). Неужели на территории Нах.АССР сохранилось только три памятника? Конечно нет. М. Нейматова просто не учла прежних публикаций, чтобы не указывать их разночтения в транслитерации и переводах. К примеру, надпись из некрополя «Малика Ибрагима» в городе Ордубад (№ 24) была опубликована еще Н. Ханыковым⁴, а затем переиздана В. Сысоевым⁵ и включена в «Хронологический свод арабских надписей»⁶ мусульманского мира. Однако М. Нейматова не ссылается на прежние публикации этой надписи (№ 24), ее чтения во многом отличаются от дешифровок Н. Ханыкова и В. Сысоева, и создается впечатление, что эта надпись впервые издана М. Нейматовой. Таким образом, в книге имеются надпи-

² Мы не ставим перед собой задачи рецензировать книгу или рассмотреть чтения и комментарии арабских надписей на территории Азербайджана; цель настоящей статьи — сделать некоторые замечания общего характера о принципах составления подобных работ и рассмотреть прочтения и интерпретации некоторых эпитафий с. Урут, предложенных М. Нейматовой. Остальным же надписям с. Урут мы намерены посвящать другую статью.

³ N. Khanikoff, *Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase*, JA, V série, tome XX, Paris, 1862, p. 72, 120 (№ 8), 129 (№ 11); ср. В. М. Сысоев, Нахичеван на Араксе и древности Нахичеванской АССР («Известия Азиат. ком. по охран. пам. стар. и искусств (далее: Известия Азкомстариса)», вып. 4, Баку, 1929, с. 152—153), И. Азимбеков, Мусульманские надписи в Тифлисе, Эриване, Нахичевани, Карабагларе и др. («Известия Азкомстариса», вып. 4, Баку, 1929, с. 301, 306, 307—310).

⁴ N. Khanikoff, *Memoire...*, p. 147—148.

⁵ В. М. Сысоев, Нахичеванский край (Нах.АССР) («Известия Азкомстариса», вып. 4, Баку, 1929, с. 142—143).

⁶ «Répertoire chronologique d'épigraphie arabe», tome XVI, publié sur la direction d'Et. Combe, de J. Sauvaget et de G. Wiet, le Caire, 1964, p. 201 (№ 6295).

си, уже публиковавшиеся много лет тому назад. Более того, отсутствует последовательная методика составления книги-свода и не указаны восстановления. Так, памятники расположены в этом свode без всякого хронологического или административного принципа, например, памятники из Баку, в число которых включены и музейные собрания (№№ 21, 23, 38, 49, 74—98). Это относится и к памятникам Хачмасского района (№№ 25—30, 36, 37, 52, 139) и других районов Азербайджанской ССР, то есть надписи одного и того же города или района республики выступают под разными номерами книги и выходит, что эпиграфический материал размещен произвольно. Сказанное свидетельствует о том, что структура рассматриваемой монографии не очень продумана и систематизирована. Читатель не может получить полной информации о надписях (или памятниках), допустим, конкретного района республики или определенного периода (например, XIII в.). Более того, нам кажется, что не определено целевое назначение публикации. По объему и структуре публикации книга Нейматовой не может претендовать на «Свод» или «Корпус»⁷ мемориальных надписей или памятников. Нечетко определена область исследований Нейматовой: неясно, это исследование самих мемориальных памятников или сводное издание эпиграфических памятников (надписей определенного типа)? Если публикация Нейматовой является искусствоведческо-архитектурным исследованием мемориальных памятников, то, пожалуй, это неудачная компиляция. К публикациям или исследованиям такого порядка, например, можно отнести работу Бейхана Карамагарали о мемориальных памятниках города Хлат (Ахлат)⁸ или работы Альберта Габриеля и Ф. Т. Диджема⁹. Работу же Нейматовой невозможно причислить к публикациям памятников определенного типа или к исследованиям определенной области (направленности).

Включение мемориальных памятников соседних республик (и публикация их надписей) в число памятников Азербайджана и их издание в рассматриваемой книге ничем не обосновано. Хотя автор заявляет, что, якобы, «характерные памятники соседних республик изучены и привлечены для аналогии» (с. 12), однако на самом деле это вовсе не так. Надписи соседних республик включены в книгу не для аналогии и сравнительного изучения языка, формуляра или орнаментальности мемориальных памятников (всего этого в книге нет), а, вероятно, только лишь потому, что они созданы на арабском, персидском и турецком языках, т. е. на языках мусульманских народов. Более того, памятники из соседних республик не привлечены и не рассмотрены во «Введении» книги с целью изучения особенности надписей, а приведены в основном разделе «Эпиграфика мемориальных памятников» и пронумерованы в общем порядке вместе с остальными памятниками, сохранившимися на территории Азерб. ССР. Таким образом, надписи из Армянской ССР являются составной частью книги М. Нейматовой «Мемориальные па-

⁷ Показательным примером для сводных публикаций могут служить работы известного эпиграфиста Макса ван Бершема (Max van Berchem et Halli Edhem, *Corpus inscriptionum arabicarum*, partie 3, "Asie Mineure" (Memoire IFAO, t. XXIX), le Caire 1910).

⁸ B. Karamağaralı, *Ablat mezartasları*, Güven Matbaası, Ankara, 1972.

⁹ "Voyages archéologique dans la Turquie Oriental" par Alberf Gabriel, voll I-II, avec un recueil d'inscriptions arabes par Jean Sauvaget, Paris, 1940; F. T. Dijkema, *Ottoman historical monumental inscriptions in Edirne*, Leiden, 1977.

мятники Азербайджана», которая включает памятники соседних республик в общий список, составленный без всякого географического принципа, и поэтому нам представляется, что правильнее было бы назвать эту книгу, допустим, «Мемориальные памятники Закавказья». Отметим и то обстоятельство, что надписи и памятники села Урут, как пишет автор, были изучены ею по совету доктора исторических наук, академика АН Азерб. ССР З. М. Бунятова (с. 11), который и редактировал рассматриваемую книгу.

Арабские надписи на территории Армянской ССР (Эчмиадзинского, Ехегнадзорского, Камо и Сисианского районов) автором включены также в докторскую диссертацию, посвященную эпиграфическим материалам Советского Азербайджана, и явились основным материалом для выдвинутых ею выводов и положений¹⁰. Как это ни странно, М. Нейматова и в докторской диссертации рассматривала арабские надписи Советской Армении (и мемориальные памятники) как памятники материальной и духовной культуры Азербайджана. Это подтверждается и тем, что арабские надписи Советской Армении богато использованы и привлечены не как дополнительный материал для освещения различных вопросов по истории Советского Азербайджана, а как структурная и составная часть основных разделов диссертации. Даже фотографии, прорисовки и копии надписей из Советской Армении включены в приложение к диссертации¹¹. Здесь они пронумерованы в общем порядке вместе с остальными надписями Азербайджана. Более того, рельефные изображения и орнаментальные мотивы мемориальных памятников из села Урут рассматриваются М. Нейматовой очень подробно. По ее мнению, рельефные мотивы и рисунки на этих памятниках связаны с пережитками древних верований — с культом онгонов (птиц, быков и т. д.) древнетюркских племен, населявших горные и предгорные районы Азербайджана¹². Следовательно, М. Нейматова утверждает, что и в Уруте (Сюнике) обитали древнетюркские и агванские племена. Последние, якобы, подверглись процессу тюркизации (азербайджанизации)¹³. Напрашивается вопрос — когда тюркские племена появились в Сюнике и когда они успели ассимилировать «агванские племена?». М. Нейматова об этом ничего не говорит, но зато заявляет, что Сюник когда-то входил в состав государства Албании¹⁴.

Говоря о рельефных знаках, так называемых «онгонах» — знак собственности на скот, а также птиц-тамга, изображенных на мемориальных памятниках села Урут, М. Нейматова отмечает, что онгонами являются в основном соколы с распростертыми крыльями. Они изображены сидящими на различных изыках (идук), ветвисторогом олене, быке или же на баране¹⁵. Кроме отдельных племенных онгонов-птиц, все

¹⁰ М. С. Нейматова, Эпиграфические памятники и их значение в изучении социально-экономической истории Азербайджана (XIV—XIX вв.) (далее: М. С. Нейматова, Эпиграфические памятники), автореф. докт. дисс., Баку, 1968, с. 6, 9, 34, 36, 54, 55, 70, 81, 83 и др.

¹¹ Это два альбома фотографий, рисунков и прорисовок эпиграфических памятников (см. там же, с. 6).

¹² Там же, с. 81, 83.

¹³ М. С. Нейматова, Мемориальные памятники, с. 12. Нам непонятно, на каком основании автор книги употребляет термины «тюркизация» и «азербайджанизация» в качестве равнозначных понятий.

¹⁴ М. С. Нейматова, Мемориальные памятники..., с. 12.

¹⁵ М. С. Нейматова, Эпиграфические памятники..., с. 83, рис. № 182-В, 183-В, 190-В; ср. ее же, Мемориальные памятники..., с. 6, рис. 32-А, Б, 34-В, 37-В.

тюркские племена имели один общий оигон (тибетский як). Он приносился в жертву один раз в году. На некоторых памятниках (могильных камнях) в селе Урут схематично высечены изображения быков, стоящих друг против друга, по-видимому, связанные с обрядом жертвоприношения, так как между быками расположен алтарь¹⁶. На этих могильных камнях изображены также шаманы, стоящие перед камином с поднятыми вверх руками¹⁷.

Но разве такие рельефные сюжеты изображены только на мемориальных памятниках села Урут? Разве они связаны только с верованиями древнетюркских племен? Для ответа на эти вопросы следует разобратся в рельефах этих памятников. Так, на правой боковой грани в нишах (углублениях на плоскости) сундукообразного памятника, датированного 983/1575—76 гг. (рис. 1), изображен сокол с распро-

Рис. 1

стертыми крыльями, не сидящий на изыхе (идуке), как утверждает М. Нейматова, а держащий барана (или ягненка) в когтях, рядом стоят два охотника, затем две фигуры: одна держит барабан, а другая — духовой инструмент — зурну, наконец, рядом изображена мать с ребенком в руках. Как видим, рельефы различны по своему содержанию. Они отражают различные детали жизни усопшего. Подобные бытовые рельефы обычно встречаются на различных мемориальных и архитектурных памятниках. На рельефах армянских мемориальных памятников и хачкаров (даже на церквях) находим многочисленные сюжеты земледельческого, ремесленного, свадебного, спортивного, пастушеского и охотничьего характера, сцены народных празднеств и пиршеств¹⁸.

¹⁶ М. С. Нейматова, Эпиграфические памятники..., с. 83 (рис. 185), ср. ее же, Мемориальные памятники..., с. 6 (рис. № 85-Б).

¹⁷ М. С. Нейматова, Эпиграфические памятники..., с. 83 (рис. 179-6, 183-в, 188—192-г.); ср. ее же, Мемориальные памятники..., с. 6, рис. № 81, 34-Б, 40-Б, 41-Б.

¹⁸ Գ. Զ. Կարախանյան, Հայաստանի միջին դարերի կենցաղային քանդակները (15—16-րդ դդ.) (ՀՍՍՀ ԳԱ «Իրարեր» 1975, № 8, էջ 31—47); далее—Կարախանյան, Կենցաղային քանդակները.

Рельефы, изображающие сокола с распростертыми крыльями и схватившего барана или быка, ягненка или же оленя, голубя и других птиц, широко распространены на армянских мемориальных и архитектурных памятниках XI—XVI вв. Например, сокол, схвативший когтями ягненка, рельефно высечен на стене церкви св. Каратета монастыря Цахацкар (1041 г.)¹⁹ Ехегнадзорского района Арм.ССР, на барабане купола и на стене южного фасада церкви св. Степаноса Танатского монастыря (1273 г.)²⁰, а также над окном церкви в селе Верин Ахта и на каменном изваянии барана из того же села²¹. Сокол с птицей в когтях изображен на притворе церкви Гегард (XIII в.)²². На западной части южной стены церкви св. Степаноса (XIII в.) изображен сокол, также держащий в когтях голубя²³. Подобные рельефы имеются на многих армянских мемориальных и архитектурных памятниках из Мартунинского, Варденисского, Ехегнадзорского, Сисианского, Камо и других районов Армянской ССР²⁴. Соколиная охота считалась своеобразной спортивной игрой и была любимым занятием представителей разных социальных слоев армянского средневекового общества²⁵. Она символизирует профессию охотника и его храбрость и мастерство. Так, на надгробных памятниках села Ангехакот (Сисианский район Арм.ССР) встречаются сцены охоты: охотник на коне, держащий в правой руке сокола, а в левой — кубок. Там же изображены олень, лошадь и разные птицы, находящиеся в процессе движения. Охотник с соколом в руках и процесс преследования оленя или других животных изображены на каменной фигуре барана в селе Верин Ахта и др. памятниках из Ехегнадзорского района Арм.ССР²⁶. Таким образом, сцены, изображающие сокола, держащего в когтях барана (или оленя, ягненка, голубя и т. д.), имеются на многих армянских мемориальных или архитектурных памятниках XI—XVI вв. Обращаясь к сценам соколиной охоты на трех памятниках села Урут, следует констатировать, что они имеют более древние прототипы (параллели) из других памятников разных районов Арм.ССР. Если рельефы на памятниках села Урут датируются XV—XVI вв., то их прототипы на армянских мемориальных памятниках с изображением сцен охотничьего характера намного древнее (XI—XIV вв.), следовательно, корни урутских рельефов надо искать в армянских мемориальных памятниках соседних районов Арм.ССР. Урутские рельефы фактически адаптируют традиции (и сюжеты) резьбы по камню армянских мастеров других районов Сюника.

¹⁹ «Декоративное искусство средневековой Армении», Л., 1971 (далее: «Декоративное искусство Армении»), с. 43 (рис. 134).

²⁰ Там же, рис. 133, 135, ср. «Դիվան հայ վիմարություն», պրակ 3, Վայոց Ձոր, Աղիզ-բեկովի և Եղեղնաձորի շրջաններ, կազմեց Ս. Բարխուդարյան, Երևան, 1967 (далее—Դիվան, 3), էջ 73, նկ. 67, 84, նկ. 85:

²¹ Գ. Հովսեփյան, Խաղաղական կամ Պոռչեան հայոց պատմության մեջ, Անթի-լիս — Լրիան, 1969, էջ 72 (պատկեր 51) 24—25, ծան. 1 (պատկեր 15), (далее—Հովսեփյան, Խաղաղական):

²² «Декоративное искусство Армении», с. 143 (рис. 132).

²³ Դիվան, 3, էջ 84 (նկ. 85):

²⁴ «Դիվան հայ վիմարություն» պրակ 4, Դեղարքունիք, Կամոյի, Մարառնու և Վարդանի-նի շրջաններ, կազմեց Ս. Բարխուդարյան, Երևան, 1978 (далее—Դիվան, 4), էջ 253 (նկ. 198), 321 (նկ. 270), 354 (նկ. 1423) և ուրիշներ:

²⁵ Կարախանյան, Կենցաղային բանականներ, էջ 35:

²⁶ Там же, с. 36—37 (рис. 3, 7, 8); Դիվան, 3, рис. 183, 189, 191, 196, 198, 293, 297; Դիվան, 4, рис. 13, Հովսեփյան, Խաղաղական, էջ 24—25 ծան. 1:

Согласно утверждению М. Нейматовой, схематичные изображения быков на памятниках села Урут связаны с обрядом жертвоприношения у тюркских племен. Возможно, обряд жертвоприношения быка практиковался у древних тюрков. Однако урутские сюжетные рельефы быков имеют более древние параллели на многочисленных армянских архитектурных и мемориальных памятниках. Например, на правой боковой грани надгробного памятника из села Ангехако́т того же Сисианского района Арм.ССР видим изображения разных животных, находящихся в движении. На обратной стороне — охотничья сцена, слева — бык и т. д. (XV в.)²⁷. Бой двух быков или быка и льва изображен на мемориальном сундукообразном памятнике из села Ангехако́т (дат. 1550 г.)²⁸. В рельефе на памятнике в виде каменного изваяния барана из села Терп также видим сражающегося быка и льва — один напротив другого²⁹. Такой же рельеф имеется на памятнике возле церкви св. Богородицы в селе Дашкенд Варденисского района Арм.ССР³⁰. Бык и си́рин изображены на фасаде портала Селимского каравансарая Ехегнадзорского района Арм.ССР (1332 г.)³¹. Рельефы (сюжетные) быка, льва, орла, павлина, барана, медведя, птиц и сцены их борьбы и других животных изображены на многих армянских мемориальных и архитектурных памятниках IV—VII вв. из разных районов Арм.ССР³². Часть этих рельефных фигур связана с тотемизмом и религиозно-мифическими верованиями, преданиями, понятиями и обычаями, созданными у древних армян в течение веков³³. Можно привести и другие примеры рельефных сюжетов армянских мемориальных памятников, однако и приведенных достаточно, чтобы убедиться в том, что сцены, изображающие быков, их сражение, связанные с обрядом жертвоприношения быков (и других животных), были распространены у христиан и, в частности, у армян. Обряд жертвоприношения быка восходит к древности, но он был воспринят и христианством, и по сей день распространен у многих христианских народов. Рельефные изображения двух сражающихся быков и одного стоящего быка на мемориальных памятниках 981/1573-4, 886/1481-2 и 984/1578-9 гг. из села Урут технически адаптируют параллельные сцены армянских мемориальных памятников. Наконец, согласно интерпретации М. Нейматовой, на надмогильных памятниках села Урут изображены шаманы, стоящие перед камином с поднятыми вверх руками³⁴. Тщательное ознакомление с рельефами четырех—трех сундукообразных (983/1575-6, 883/1478 гг., одного нетатированного) памятников, а также памятника в виде каменного изваяния барана показывает, что интерпретация М. Нейматовой неверна. Не может быть и речи о «шаманах перед камином», это просто фантазия самой Неймато-

²⁷ Կ ար ա խ ա ն յ ա ն, Կենցաղային քանդակները, էջ 36 (նկ. 3):

²⁸ Там же, с. 42—43; «Դիվան հալ վիմադրութիւն», պրակ 2, Սյունիքի, Ղափանի, Գորիսի և Սիրիանի շրջաններ, կազմեց Ս. Բարիսուղարյան, Երևան, 1967), (далее—Դիվան, 2), էջ 134 (նկ. 372):

²⁹ Հ ա վ ս ե փ ա ն, Խաղարկանք, էջ 26, (պատկեր 15), 24, ծան. 1:

³⁰ Դիվան, 4, էջ 321 (նկ. 268):

³¹ «Декоративное искусство Армении», рис. 136, 137.

³² Բ. Առաքելյան, Հայկական պատկերաքանդակները 4—7-րդ դդ., Երևան, 1949, էջ 83—94 (նկ. 74 և որիչներ):

³³ Там же, с. 117 и др. О символике животных рельефов, см. также: Ա. Շ. Մ ն ա ջ ա ն յ ա ն Հայկական դարձարվեստ: Հիմնական մոտիվները և ծագումն ու զարգացման ընթացակետերը, Երևան, 1955:

³⁴ М. С. Нейматова, Мемориальные памятники..., с. 6 (рис. 31, 34 Б, 40 Б, 41, Б):

вой. На этих четырех надгробных памятниках изображены не шаманы, а танцующие фигуры с поднятыми вверх руками. Например, на надгробии, датированном 983/1575-6 гг., рядом с танцующей фигурой стоит другая фигура—человек, играющий на духовом инструменте—зурне (рис. № 2). Более того, на каменном изваянии барана³⁵ рядом с танцую-

Рис. 2

щей фигурой изображены две тарелки с едой. Рядом стоящий человек в одной руке держит тарелку с печеньем, а в другой — медный сосуд для вина. Здесь же изображены юноша на коне, справа — сосуд для омовения, а танцующий человек схематично взят в рамки. Словом, эта сцена символизирует пиршество — разные детали бытовой жизни и увлечений умершего — не имеющие никакого отношения к «религиозным воззрениям тюркских племен» или «шаманам перед каминном». Подобные сцены пиршеств и народных празднеств широко распространены на армянских надгробных памятниках из разных районов Арм.ССР. К примеру, можно указать рельефы из Мартунинского, Варденисского, Камо, Сисианского, Ехегнадзорского³⁶ и других районов Арм.ССР. Урутские надгробные рельефы и вышеуказанные сцены точно воспроизводят подобные детали и сцены пиршеств и празднеств, изображенных в рельефах армянских мемориальных памятников.

По рельефным изображениям мемориальных памятников села Урут Нейматова устанавливает следующие занятия и ремесла захороненных: ювелирное дело, ковроделие, ожеводство, хлебопашество, профессия медника, кожевенника, охотника и др. Так, на памятнике, датированном 983/1575-6 г., изображены инструменты ювелира³⁷. На другом памятнике, датированном 992/1584 г., — процесс ковроткачества: ткацкий станок, киргит, клубок шерсти, колотушка, ножницы, ножи, женщины, держащие в руках киргит и колотушку. Эти сцены повторяются

³⁵ Там же, рис. 41 Б (надпись № 66).

³⁶ Չիվին, 4, Եվրոպեր՝ 108, 162, 163, 172, 181, 183, 186, 189, 190, 193, 195, 198, 293, Կարաբաղի, Կենդանի թանգարան, Եվրոպեր 4—7, 9:

³⁷ М. С. Нейматова, Мемориальные памятники, с. 8—9 (рис. №№ 34 Б, 37 Б, 40, А, Б).

также на других памятниках того же кладбища. Здесь же изображен пастух со стадом овец на пастбище³⁸.

Изображенные на мемориальных памятниках сцены ремесленной промышленности лишний раз свидетельствуют о том, что здесь обитали не «тюркские племена», ведшие тогда в основном кочевой и полукочевой образ жизни, а местное население с оседлым образом жизни, развитой ремесленной техникой — а именно армянское население. Издревле армянские ремесленники славились обработкой металлов, ювелирным делом, производством дорогих шелковых тканей и ковроделием³⁹. Говоря о положении ремесленников в Малой Азии и Западной Армении, турколог В. Гордлевский пишет: «В руках христиан были и остались ремесла, требовавшие большого искусства: живописцы и архитекторы-греки или армяне, галлиграфы-иранцы, простая, казалось бы, работа, и та сосредоточена была у христиан, во всяком случае, ими выполнялась лучше, чем турками... В руках армян находилась, должно быть, обработка металлов, поскольку в Армении истари добывались металлы: Каппадокия давно уже славилась серебряной рудой... Кустарное производство медных изделий тоже было в руках армян, и этим славился еще в XIX в. Эрзерум. Вообще большую роль в местном производстве играли армяне. Раскопки показывают, что уже в IX—X вв. в Армении процветали ремесла: гончарное, кузнечное, оружейное, ювелирное и ткацкое»⁴⁰. Даже в ремесленных цехах (гильдиях) городов средневекового Ближнего Востока ремесла, требовавшие тонкого мастерства и большого искусства, а также торговля драгоценными металлами были ограничены, только христианам и евреям было дозволено заниматься подобными ремеслами⁴¹.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что рельефные изображения мемориальных памятников села Урут отражают быт и ремесленную промышленность местного армянского населения, и здесь не может быть и речи о существовании «тюркских племен в Сюнике». Это подтверждается данными как сюжетных рельефов, так и самих арабских надписей надгробных памятников, расположенных на кладбище села Урут, одна из которых была точно прочитана проф. А. Д. Папазяном:

الله محمد علي . امير دسك ولد كتخدا اولافم دغودلو
تحریر افی شهر رمضان سنة ۸۸۳ .

«Аллах, Мухаммад, Али. Амир-Васак сын кетхуды Авлакума Валпудинского. Написано в месяце рамадан 883 года (26. XI—26. XII. 1478)»⁴². А. Папазян показал, что М. Нейматова допустила грубые ошибки в чтении текста надписи из с. Урут, датированной 883/1478 г. (№ 53)⁴³. В ней нет никаких упоминаний «агвапа» или «агванских племен», ею наруше-

³⁸ Там же; ср. ее же: Эпиграфические памятники..., с. 89, 91.

³⁹ Более подробно о ремеслах Армении — IV—XVIII вв. см. Ч. У. Արրաշահյան, Արհեստները Հայաստանում 4—18-րդ դդ., Երևան, 1956, էջ 90—139, Բ. Ա. Առաքելյան, Քաղաքները և արհեստները Հայաստանում 9—13-րդ դդ., 1, Երևան, 1963, էջ 133—170, 265—296.

⁴⁰ В. Гордлевский, Избранные сочинения, т. I, Исторические работы, М., 1960, с. 132—133.

⁴¹ L. Massignon, "Guilds" (Islamic), (Encyclopedia of Social sciences", vol VII, New York, 1954, p. 215), его же: "Sini", El, London-Leiden, 1927, p. 437.

⁴² А. Д. Папазян, Новые эпиграфические данные о последних отпрысках армянской феодальной знати в Сюнике («Պատմա-քաղաքագիտական հանդես», 1983, № 4, էջ 122) (далее—А. Д. Папазян, Новые данные...).

⁴³ М. С. Нейматова, Мемориальные памятники..., с. 12.

на последовательность в чтении строк и искажены имя, отчество (происхождение) погребенного. Так, вместо выдуманного ею имени «Амрусал» следует читать — «Амир-Васак», а вместо фразы «из рода агван» — следует читать «Авлакум Вагудлу (Вагудинский)»⁴⁴. Таким образом, выдвинутый на основании этой надписи вывод относительно существования агван в Сюнике и процесса их тюркизации (азербайджанизации) лишен основания. Вышеуказанный надгробный памятник (рис. № 3) в действительности принадлежит одному из потомков Си-

Рис. 3

сакянских князей, владетелей Сюника — Амир-Васаку, сыну кетхуды Авлакума Вагудинского, обратившемуся в ислам в XV в., умершему в 883 (1478) г. Его отец — Авлакум Вагудлу (Вагудинский), который, как увидим ниже, также упоминается в арабской надписи на другом мемориальном памятнике — был представителем одной из ветвей Сюникского древнего княжеского дома Сисакянов, родственной ветви с Буртелянами (ветви княжеского рода Орбеянов)⁴⁵.

М. Нейматова допустила грубые ошибки и искажения текста и в других надписях, опубликованных ею в вышеуказанной книге. Приводимые далее чтения М. Нейматовой сопровождаются нашими уточнениями и вариантами (по нумерации Нейматовой). Надпись № 54. Нейматовой прочитан и опубликован следующий текст:

...صاحبه وملكه المرحوم افغول بن مراد سنة ٩٦٣

«Обладатель и владетель (этой могилы) покойный Огул Б. Мурад. Год 963 (1555—1556)⁴⁶. В связи с этой надписью М. Нейматова пишет, что слово «افغول» «Огул» в сочетании с предшествующим именем встречается в надписях древнетюркской письменности из Киргизии; «ابوكن اغل بن دواخان» «Эбуген Огол ибн Дува Хана» и других памятниках. По словам Нейматовой: «В иерархии военных должностей, в ярлыках Тимур-Кутлуга и Саадат Гирея это слово отмечено без соб-

⁴⁴ А. Д. Папазян, Новые данные..., с. 123—124.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ М. С. Нейматова, Мемориальные памятники..., с. 21 (рис. 54, рис. 32).

ственного имени, и соответствует [должности] главнокомандующего правым или левым крылом армии. В надписи урудского памятника (№ 278) слово Огул отмечено без собственного имени. Однако богатое убранство памятника дает возможность предположить, что здесь похоронен военачальник⁴⁷. В указанной надписи урутского памятника, во-первых, слова «Огул» не существует, как увидим ниже, во-вторых, богатое убранство памятника не обязательно свидетельствует о том, что здесь похоронен военачальник.

Надпись сфотографирована нами в 1977 г. (рис. 4) и прочитана на месте следующим образом:

۱ ارحم و اغفر على الاشطر المصر (المصور؟) فى الاكابر لغفران يا على
۲ صاحبه و مالكة المرحوم ارغون بن مراد . سنة ۹۶۳

Рис. 4

1. «Помилуй и прости самого омого, (и) настойчивого (рисовальщика?) из знатных ради всепрощения, О Али! 2. Обладатель и владелец его покойный *Аргун ибн Мурад*. Год. 963 [1555—1556]». Формулы этой надписи характерны для арабских надписей этого кладбища. Почерк очень примитивен и некаллиграфичен, в первой строке имеются некоторые лигатуры. Текст второй строки легко поддается прочтению и не сопряжен с трудностями. Текст надписи с трех сторон окаймлен орнаментом шестичастной плетенки. На обратной боковой стороне сундукообразного памятника имеются рельефные изображения (сцена охоты), о которых было сказано выше. Первая строка надписи Нейматовой вообще не прочитана. Во второй строке неточно прочитано имя покойного, вместо *اوغول* «Огул» следует читать *ارغون* «Аргун». Данное имя широко распространено у армян⁴⁸, монголов и других народов. На обратной стороне памятника изображен не мотив культа онгонов (сокол с распростертыми крыльями на баране, рядом олень, собака, а на-

⁴⁷ М. С. Нейматова, Эпиграфические памятники..., с. 84—85.

⁴⁸ 2. Աճառյան, Հայոց անձնանունների բառարան, հ. 1, Երևան, 1942, էջ 286—287. «ԺԵՆ զարրի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարանները մասն առաջին (1401—1450 թթ.), Կաղմեց. 1. Խալիկյան, Երևան, 1955, էջ 327, 377, 564, 583, 609,

верху птицы, охотник и конный), якобы, связанный с религиозными воззрениями тюркских племен, как утверждает М. Нейматова⁴⁹ и вслед за ней и другие исследователи⁵⁰, а обыкновенная сцена охоты⁵¹, считавшейся одним из любимых занятий князей и представителей других социальных слоев местного населения: конный и пеший охотники, последний стреляет из лука в оленя, за ним следует собака, а рядом изображен сокол с распростертыми крыльями, схвативший когтями барана. Над ними две птицы. Подобные сцены, как было отмечено, повторяются на многих армянских мемориальных и архитектурных памятниках XI—XVI вв.

Ниже приводим неточно прочитанные Нейматовой остальные тексты и предложенные нами соответствующие их чтения:

Надпись № 58. У Нейматовой текст прочитан без даты, с дефектами:

الله محمد علي كذاخر ولد نوري و... امر

«Аллах, Мухаммад, Али Кадахур сын Нури в⁵²».

Эта надпись прочитана нами по фотографии, переданной А. Д. Папаяном, так как надгробного памятника уже в 1977—1980 гг. не было на месте⁵³. Надпись высечена на грани памятника вертикально и горизонтально (рис. 8, 8а):

محمد علي ولد امير... بن نوري...

امير حمزا قورقماز . سنة ۸۸۶

«Мухаммад-Гули (Кули) сын Амир- ибн Нури [и] [сын] Амир-Хамза Қорқмаз (Қорхмаз). Год 886 [1481—1482].»

Надпись № 62. У Нейматовой надпись имеет следующий вид:

الله محمود بن كهرم سنة ۹۰۹

«Аллах Махмуд б. Карам, 909 год»⁵⁴.

Эта надпись прочитана нами на месте и сфотографирована (рис. № 5):

الله . محبوبة بن اميرم . سنة ۹۰۹

«Аллах, Махбуба (дочь) Амирама. Год. 909 [1503-4].»

Надпись № 66. Надпись на правом боку надгробия в виде каменного изваяния барана, расположенного раньше на этом же кладбище. У Нейматовой прочитано: «Аллах, Мухаммад, Али из рода Агван»

الله محمد علي من اولاد اغوا

⁴⁹ М. С. Нейматова, Эпиграфические памятники..., с. 83 (рис. 182-В, 183-В, 190-В, и др); ее же, Мемориальные памятники..., с. 8, (рис. 32-А, Б).

⁵⁰ Из них отметим работы Расима Эфендиева (Р. С. Эфендиев, Говорят камни, Баку, 1980, с. 22—23), его иллюстрации (его же, Декоративно-прикладное искусство Азербайджана (средние века), Баку, 1976, сс. 80—81, иллюс. 78—83) (на азерб. яз.); см. также работу турецкого автора М. Абдулхаллука Чая (M. Abdullhaluk Çay, Anadolu'da türk damgası koc heykel-mezartaşları ve türkler'de koc koyun meselesi, Ankara, 1983, ss. 44-45).

⁵¹ М. С. Нейматова, Мемориальные памятники..., рис. 32 А, Б.

⁵² Там же, с. 21, № 58 (рис. 36).

⁵³ После исследования М. Нейматовой надгробных памятников из села Урут (1961 г.) два сундукообразных (№№ 58, 61) и четыре памятника в виде каменного изваяния барана (№№ 65, 66, 68, 69), как в 1979 г. сообщил нам сторож кладбища и мемориальных памятников с. Урут Талых, на грузовой автомашине были увезены с кладбища в Баку. Нынешнее их местонахождение неизвестно.

⁵⁴ М. С. Нейматова, Мемориальные памятники..., с. 22, № 62 (рис. 39 А).

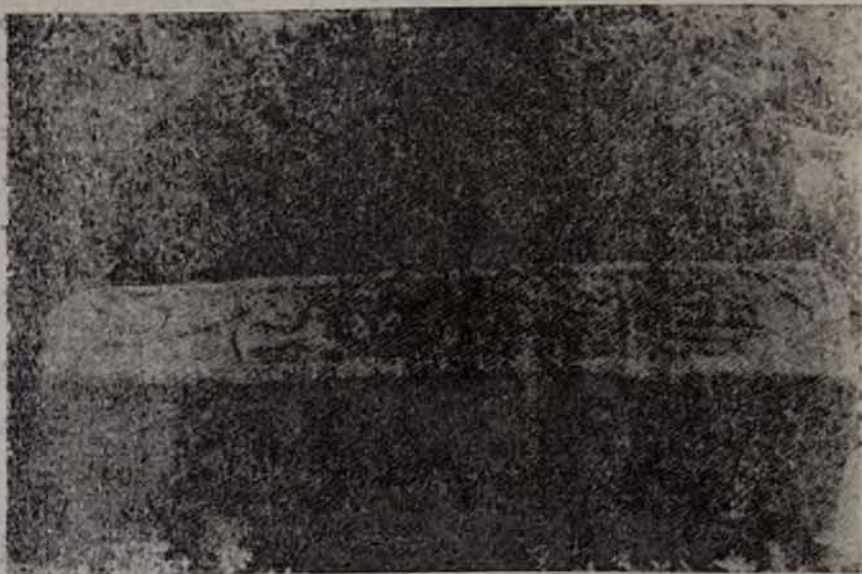

Рис. 5

Правильное чтение этой надписи дано А. Папазяном:

الله، محمد، علي ادلاقم دغودلو

«Аллах, Мухаммад, Али. Авлакум Вагудлу (Вагудинский)»⁵⁵.

По середине покрывала (986/1578-9 гг.) и в обрамлении покрывала, накинутаго на спинку барана, высечены надписи на тюркском языке и иным почерком (их фотографии Нейматовой не опубликованы). По мнению А. Папазяна, они изготовлены не менее чем сто лет спустя. Сам же памятник (баран) относится к тому же периоду, что и сундукообразный памятник 883/1478 г.⁵⁶ (№ 53).

Надпись № 56. Нейматовой прочитан и опубликован следующий текст:

الله يا محمد يا علم، / خان محمد بن مهاد... سنة ٩٨٣

«Аллах. О Мухаммад, О! Али. Хан Мухаммад б. Манахад... 983(года) [1575—1576 гг.].

Текст этой надписи сфотографирован нами и прочитан следующим образом (рис. 6):

الله، يا محمد، يا علي، . خان محمد بن قتلغ... بن تهر

اميرامي . تحريراً ٩٨٣ . قزلباش(?).....

«Аллах. О! Мухаммад, О! Али. Хан Мухаммад ибн Кутлуг... ибн Тимур (?) Ампрами. Написано [в] 983 [1575—1576] [году]. Кызыл-баш (?)».

Надпись № 33. Сел. Норатус (Норатук), район Камо (Арм.ССР).

⁵⁵ А. Д. Папазян, Новые данные..., с. 123—124.

⁵⁶ Там же, с. 124—125.

У Нейматовой надпись прочитана с дефектами (без имени покойного). После коранической суры (2/256/255) она выглядит так:

... هذا قبر المرحوم الشهيد، الواصل الى رحمة الله تعالى ... فى تاريخ اربع و سبعمائة...

«Это, /могила покойного мученика, достигшего милосердия всевышнего Аллаха в семьсот четвертом году (1304—1305 гг.)».

Мы дважды побывали на месте, сфотографировали надпись (рис. 7) и предлагаем следующее чтение (после коранической суры):

هذا قبر المرحوم الشهيد، الواصل الى رحمة الله تعالى، الامير الاجل كبير، سعد الدين بن سيف الدين عبد(?)الله... بتاريخ سنة اربع و سبعمائة توفى شهر رمضان من يوم الاثنين.

Рис. 6

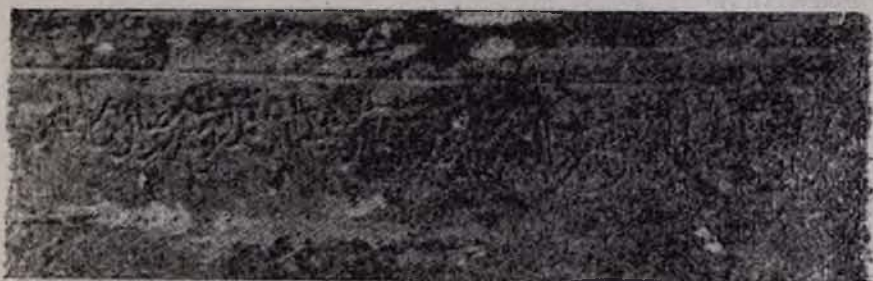

Рис. 7

«Это могила покойного, мученика, достигшего милосердия Аллаха всевышнего славнейшего эмира, великого Са'д ад-дина ибн Сейф ад-дина Абд(?)-Аллаха В дату семьсот четвертого года (28.III—27.IV. 1305 г.). Умер в месяце рамадан, в понедельник».

Поскольку предложенные нами чтения сопровождаются фотографиями, то, очевидно, нет надобности подробно останавливаться на палеографическом анализе и аргументации наших чтений. Ближайшее ознакомление с фотографиями предложенных надписей покажет, что чтения

М. Нейматовой (№№ 53, 54, 56, 58, 62, 66 и 33) явно неточны, в них допущены грубые ошибки. Имеющиеся в ее чтении дефекты вызывают ряд недоуменных вопросов, касающихся и чтений других надписей с территории Азербайджанской ССР.

Вследствие недобросовестного отношения к надписям села Урут М. Нейматова порой выдумывает необоснованные и не зафиксированные в источниках имена. Из них отметим следующие:

“Амрусал” (№ 53) вместо *امير و سك* “Амир-Васак,” *اوغول* “Огул” (№ 54) вместо *ارغون* “Аргун,” *مناهد* “Манахид”? (№ 56), *كداخر* “Кадахур”? (№ 58), *كهرم* (?) “Кахрам” вместо *اميرم* “Амирам,”

В надписи № 55 на гранях сундукообразного памятника из Урута вместо прочитанного Нейматовой слова *الرحمن* «милосердие» следует читать *أرحم* «помилуй», «ниспошли милость» и вместо *رحم* (непереведено) следует читать *يا ارحم* «О! милостивейший». Имеются многие

произвольные или скорее всего приблизительные, даже неточные переводы терминов. Например, слово *وفات* (№ 55) переведено «умерла», однако его следует перевести «смерть» и дать пояснение об этой форме.

Арабские надписи села Урут свидетельствуют о неграмотности составителей надписей на мемориальных памятниках. Множество их ошибок, графические неточности и нестандартные формулы, не характерные для письменной культуры арабских надписей, свидетельствуют о том, что похороненные на старом кладбище села Урут — это обращенные в ислам разные представители армянского общества — армянские князья, резчики, еще не успевшие в достаточной степени овладеть нормами арабского языка, формуляра и письменной культуры. В этих надписях есть много ошибок, из которых следует отметить следующие: в надписи 883/1478 г. высечено *رمزان* вместо *رمضان* “рамадан,” *كتخودا* вместо

كتخدا “катхуда,” *تحريرا* вместо *تحريرا* “написано,” в надписи 909/1503-4г. высечено *وفات طاعن* вместо *توفي بالطاعون* “умер от чумы,”

علي ولي الله вместо *علي ولي الله* “Али-преемник Аллаха,” в другой же надписи, датированной этим же годом *الهم* вместо *الهم* “О боже,”

بهمن ولدی ايمام قلی 986/1578-9 г. “умер,” вместо *توفي وفات*

بهمن ولد امامقلي “Бахман сын Имам-кули” и другие. Иногда надписи оставляют впечатление письма со слуха. Многие слова пишутся так, как они произносятся (например, *رمزان* “рамазан” *كاتخودا* “катхуда” *ولدی* “сын” с изаффе́том.)

Надписи из села Урут, как по своему языку, так и по формулам и конструкции, отличаются от установившейся арабской традиции оформления мемориальных памятников. Они показывают, что резчикам были чужды литературные формы языка надгробных надписей и письменная традиция оформления эпиграфических памятников.

Дошедшие до нас в арабских надписях имена покойников: «Амир-Васак», «Аргун», «Авлакум», «Перихан», «Назиджан», «Абрам», «Шах-Назар» и другие, зафиксированные в других надписях с урутско-

го кладбища, показывают, что часть обращенных в ислам армян сохранила свои армянские имена. Религиозная нетерпимость, гонения против армянского населения и преследования христиан в XV в. принудили многих армян не только принять ислам, но и мусульманские имена, которые и без того были распространены у христианских народов Кавказа. Эти имена часто затрудняют определение этнического или национального происхождения их обладателей. В этом отношении следует отметить, что арабские надгробные надписи села Урут раскрывают как армянские, так и мусульманские имена (иранские, тюркские) захоро-

Рис. 8.

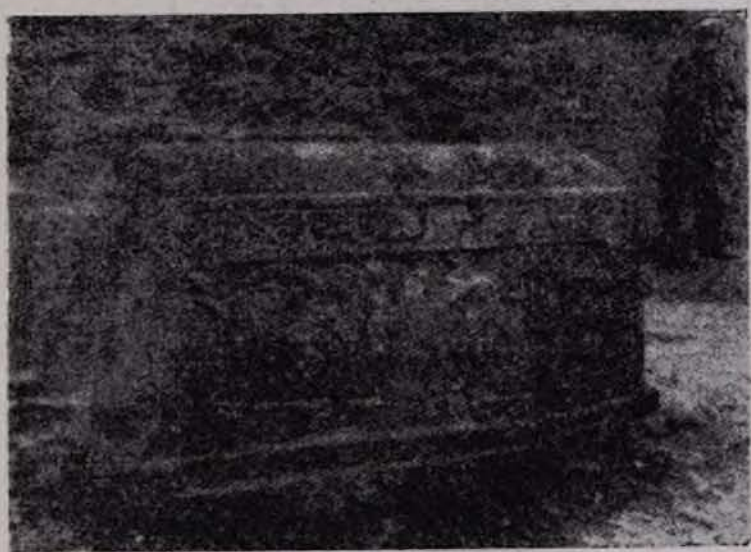

Рис. 8а

ненных, которые были, разумеется, обращенными в ислам армянами. А. Папазян справедливо отмечает, что потомки Орбелянских князей, утвердившиеся в селе и крепости Орот (Урут) с частью подвластного им

армянского населения, в конце концов были вынуждены принять ислам и остались в своих владениях⁵⁷. В арабо-персидских купчих татевских монастырских сел (XV—XVI вв.) среди мусульманских свидетелей из села Урут выступает некий *ملك سهراب بن سنباط اوردطي*

«Малик-Сохраб ибн Снбат (Смбат) Урутский», который по определению А. Папазяна был одним из исламизированных потомков Буртелянских князей (ветви Орбелянов), владельцев Урута⁵⁸.

Как бы то ни было, факт обращения некоторой части армянского населения и князей села Урут в ислам не следует рассматривать как утрату национального облика, так как отдельные представители христианских народов обратились в ислам (например, некоторая часть грузин и аджары), однако сохранили свою национальную принадлежность и самобытность. Ведь принадлежность к данному народу — армянскому — не определяется лишь религиозным вероисповеданием. Логически наряду с «армянами-христианами» могли существовать и «армяне-мусульмане».

Наконец, следует обратить внимание исследователей на следующие обстоятельства: язык арабских надписей села Урут обнаруживает отклонения от литературных норм арабского языка и надгробного формуляра, обстоятельство, которое еще раз свидетельствует о том, что погребенные в Уруте люди являлись представителями разных слоев армянского общества, исламизированными и не владевшими в достаточной степени нормами арабского языка и письменной культуры. Однако богатое декоративное убранство и изящество орнаментальности на мемориальных памятниках (орнамент, состоящий из сцепленных кругов на надгробии 883/1478 г., орнамент шестичастной плетенки на надгробии 963/1555-6 г. и кайма, состоящая из ромбовидных орнаментов на надгробии 986/1578-9 г.) свидетельствуют о высоком мастерстве резчиков, зрелости мастеров каменного дела и утвердившейся традиции по оформлению мемориальных памятников в селе Урут.

Итак, арабские надгробные надписи села Урут раскрывают факт исламизации некоторой части армянского населения села Урут, включая и отдельных отпрысков местной феодальной знати. В них приводятся имена, родословная, нисба (происхождение) и даты смерти членов нескольких семейств. Факт обращения в ислам некоторых армян села Урут подтверждается как художественным оформлением и рельефами самих надгробных памятников, их языком, формуляром, так и данными арабских надписей, которые еще раз призывают к необходимости их расшифровки. Однако их исследование обязывает учесть местные культурные традиции и исторические реалии данной области.

⁵⁷ «Персидские документы Матенадарана», купчие, вып. 1, сост. А. Д. Папазян, Ереван, 1968, с. 165.

⁵⁸ Там же, с. 165, 416, 444, 470; А. Д. Папазян, Новые данные..., с. 120.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԱՐԱՔԵՐԵՆ ՈՐՈՇ ՎԻՄԱԳՐԵՐԻ ՎԵՐԾԱՆՈՒԹՅԱՆ ԵՎ
ՄԵԿԵՆԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՋ (XV.—XVI դդ.)

ԱՆՔՍԱՆԻ ԽԱՉԱՏՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Հայաստանի մի շարք շրջանների հայկական ճարտարապետական և մեմորիալ հուշարձանների (XV—XVI դդ.) պատկերաքանդակների հետ Սյունյաց նահանգի Որոտն (Ուրուտ, Ուրուդ, Օրոտ) գյուղի օրորոցածև և խոյածև տապանաքարերի պատկերաքանդակների համեմատությունը ցույց է տալիս, որ Որոտն գյուղի հուշարձանների պատկերաքանդակները սխեմատիկ վերարտադրում և կրկնում են հայ վարպետների կերտած բազմապիսի թեմաները: Դրանց մեջ եղած պատկերներն արտացոլում են տեղի բնակչության կյանքի ու կենցաղի հետաքրքրական կողմերը: Իրենց բովանդակությամբ և կատարողական ձևերով դրանք շարունակում են հայկական հուշարձանների և վարպետների դարերի ընթացքում ուտեղծած ու մշակած ավանդույթները և ոչ մի կապ չունեն ադրեջանցի վիմագրագետ Մ. Նեյմաթովայի առաջ քաշած վարկածի՝ ՏՀԻՆ թյուրքական ցեղերի օնգոնների (տամղանների), բազենների, եզան պաշտամունքի և այլ հավատալիքների հետ:

Վերոհիշյալ տապանաքարերի արաբերեն արձանագրություններն իրենց ոճով, բանաձևերի կառուցվածքով և լեզվական առանձնահատկություններով շեղվում են արաբական տապանագրերի գրավոր ավանդույթներից: Դրանցում արձանագրված բազմապիսի ուղղագրական և գրչագրական (տառամիացման) սխալները մատնանշում են, որ տեղի գրիչները և քարգործ վարպետները դեռևս չէին հմտացել արաբերեն տապանագրերի լեզվաբանաձևային գիտելիքների բնագավառում: Արաբերեն տապանագրերում պահպանված անունները (Վասակ, Ավյակում, Արդուն, Փերիխան, Նադիշան և այլն), դրանց լեզուն, բանաձևերը և պատկերաքանդակները վկայում են, որ տեղի վարպետները և նշանցյալները եղել են մահմեդականացված հայեր: